

**«БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И
ДЕКАДЕНТСКИЙ РОМАН**

*Увод я подумал о бесе
И о себе...
В. Хлебников*

Значение творчества Ф. М. Достоевского для литературы Серебряного века не вызывает сомнений. Например, А. А. Кочеткова отмечает, что Достоевский становится центральной фигурой литературной жизни XX века [15]. Что касается влияния творчества писателя на русский декадентский роман, его приоритет подчеркивает А. Н. Долженко, автор фундаментального исследования о художественном мире русского декадентского романа: «для формирования основных координат мировоззрения русского декаданса первостепенное значение имел философско-этический опыт Ф. М. Достоевского» [10, с. 28]. Однако исследователь уделяет основное внимание идейному влиянию, лишь вскользь упоминая другие аспекты романа как художественного целого, начиная от сюжета и заканчивая тематическими переключками и стилистическими приемами. В данной статье мы рассматриваем влияние творчества Достоевского на декадентский роман на сюжетно-тематическом уровне.

Говоря о ключевом значении наследия Достоевского для декадентской прозы, исследователи почему-то оставляют в стороне карнавальность, ставшую благодаря классическому труду М.М. Бахтина [3], одной из главных литературоведческих категорий в изучении творчества писателя. На наш взгляд, дальнейшее развитие карнавальной традиции в декадентском романе является вполне логичным, учитывая апофатическую стилистику как эстетическую доминанту эпохи Серебряного века. Утверждение через отрицание ярко проявляется в русском декадентском романе на уровне стилистических приемов, построения тропов, что было отмечено в критических очерках К. Чуковского [21; 22].

Влияние Достоевского на декадентский роман, с нашей точки зрения, помимо карнавальной традиции, на сюжетно-тематическом уровне восходит к готической и романтической литературе. Мы полагаем, что концептуальным моментом для декадентского романа является феномен двойничества. В центре декадентского конфликта – непримиримое противостояние единоприродных двойников-антагонистов. Завязкой романа служит появление в той или иной мере «материализованного» двойника, развязкой – смерть одного из двойников.

По мнению И. С. Мурадханян, идея двойничества возникает в эпоху предромантизма, когда безвозвратно утрачивается ощущение целостности

личности, гармонии природы и культуры. В этот период дуализм психики воспринимается как колебание человеческого «я» между полюсами Добра и Зла. Исследовательница считает, что феномен двойничества представляет собой осложнение монохарактера, существующего в литературе со времен античности до эпохи классицизма, причем осложнение характера персонажа происходит «по линии накопления энергии зла, что было, несомненно, эпатирующим разрывом с морализирующими установками как литературы христианского Средневековья, так и классицистической моралистической светской литературы» [16, с. 5 – 6]. Впоследствии, по мнению ученой, идея двойничества переходит из романтической традиции в реалистическую, в частности к Ч. Диккенсу и Достоевскому. С нашей точки зрения, двойничество не исчерпывается трактовкой И. С. Мурадханян, но восходит к архаике, в частности к сказочному эпосу, однако предложенный ученой взгляд на проблему для нас очень ценен.

Двойничество у романтиков может выражаться в образе героя, в котором сосуществуют как бы две личности, два противоборствующих импульса, причем во многих произведениях, только смерть одного из двойников в силах разрешить конфликт. Однако так как эти двойники все же слиты воедино, мыслятся как проявление полярных свойств души одной личности, то убийство двойника тождественно самоубийству героя.

Уже в творчестве Ч. Метьюрина двойничество канонизируется, приобретает значение концептуальности. У Э. Т. А. Гофмана, двойник материализуется в отдельное существо, убийство двойника уже не обязательно является самоубийством. Здесь важно отметить тот факт, что двойник у Гофмана также может раздваиваться. Например, в романе «Эликсиры дьявола» – это и реальный человек – безумный монах, и призрак с лицом главного героя. В последнем случае двойничество становится буквальным, очевидным.

В этом мотиве легко узнать беса, который будет посещать Ивана Карамазова. Не случайно Иван говорит черту: «Ты воплощение меня самого, только одной впрочем моей стороны... я, сам я, только с другою рожей... Только всё скверные мои мысли берешь, а главное – глупые» [12, с. 211]. Интерпретация беса, как худшего я, я с другою рожей, очевидна в приведенных нами в качестве эпиграфа строках В. Хлебникова: подумай о себе наоборот, о себе с изнанки, окажется, что ты думаешь о бесе. Переставь в «себе» слоги местами – и получится «бесе».

В «Братьях Карамазовых» двойник также раздваивается и воплощается в реального, хотя и неполноценного человека – Смердякова, но он также появляется не воплотившейся галлюцинацией Ивана. Символично, что по окончании беседы с чертом, приходит Алеша с известием о том, что час тому назад повесился Смердяков. Не душа ли произошедшего от смердящей решила навестить Ивана по пути на тот свет?

Следует отметить, что И. С. Мурадханян рассматривает в контексте романтического двойничества роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», считающийся одним из ярчайших образцов декадентского романа [16]. В этом произведении двойник также материализуется, овеществляется, но не является полноценной личностью, а лишь портретом, он существует отдельно от героя, но вместе с тем между двойниками присутствует мистическая взаимосвязь.

Таким образом, логично предположить, что декадентское двойничество является следствием развития в литературе идеи внутренней раздвоенности человеческой души, в которой заложен потенциал граничащей со святостью доброты, равно как поистине дьявольской жестокости и отвратительнейшего разврата. Как отмечает А. И. Покровский: «Из наших русских писателей громадное идейное влияние на эволюцию декадентства, даже, может быть, помимо доброй воли, оказал Ф. М. Достоевский, который, как никто в целом мире, изобразил в своих повестях и романах весь *ад человеческой раздвоенности, всю глубину падения и всю прелесть возрождения*» [Цит. по: 10, с. 29]. Идея раздвоенности, двойничества является центральной в творчестве Достоевского, причем «всяческое зло в человеке для Достоевского не есть свидетельство бездушия, а, напротив, признак какой-то особой напряженности духовной жизни» [10, с. 30].

Проводя параллели между мировоззренческой концепцией Достоевского и декадансом, приведем яркий пример – роман Ж. К. Гюисманса «Там, внизу, или Бездна». Что здесь отображено в образе Жилия де Рэ, как не невообразимая глубина падения с вершин святости, невероятное возрождение и такое же изумительное прощение? Маркиз де Рэ, бывший верным соратником Жанны д'Арк, убивающий и оскверняющий детей, кощунствующий и служащий кровавые черные мессы, купающийся в еще теплых внутренностях убиенных им невинных жертв, кается и идет на костер исполненный веры в прощение Господне. И – о чудо – народ, отцы и матери сотен, а, быть может, и тысяч, замученных им детей молятся о его прощении. Подчеркнем, что главного героя романа писателя Дюртала больше всего волнует тайна перерождения человеческой души, ее устремления то к вершинам добродетели, то к глубинам порока, то вновь, после познания пределов греха – к добродетели через раскаяние.

О родстве романа «Братья Карамазовы» с декадентской литературой А. И. Покровский пишет: «Что такое Федор Павлович Карамазов, как не декадент и на почве чувственности, и на почве всех вопросов духа? Да и вся, вообще, карамазовская порода, начиная этим сатиром-стариком и кончая Смердяковым, с одной стороны, и Алешей – с другой, не несет ли в себе характерные декадентские элементы. Тут замешаны все дурманы и все сладострастные упоения человека, идущего к гибели своего естества» [Цит. по: 10, с. 29].

А. Н. Долженко отмечает «многомерное видение декаданса Достоевским» [10, с. 30]. Мы рассмотрим, как эта многомерность проявилась в рамках сюжета романа «Братья Карамазовы».

На наш взгляд, вокруг убийства старика сконцентрированы все потенциально возможные варианты развития сюжета декадентского романа. Семья Карамазовых, с нашей точки зрения, представляет собой сложную систему двойников, – о том, что в рамках традиции двойничества двойник также может раздваиваться, присутствовать во множественном количестве, мы уже говорили. Единоприродность Карамазовых подчеркивается в романе неоднократно, когда, например, Ракитин говорит Алеше: «Ведь я только на тебя, Алеша, дивлюсь: как это ты девственник? Ведь и ты Карамазов!» [11, с. 87]. Илюша Снегирев кусает за палец Алексея только потому, что тот – Карамазов, а в конце второй части романа не менее символично звучит: «Ура Карамазову!» [12, с. 363]. В «Братьях Карамазовых» двойничество, заложенное в образе Раскольниковца, но реализованное в пределах раскола и преображения одного сознания, трансформируется в буквальное двойничество, в котором двойником является уже отдельная личность, другой человек. Аналогична ситуация в «Бесах».

Выделим ключевые тематические элементы, сконцентрированные вокруг центральной коллизии в «Братьях Карамазовых», которые служат основой конфликта декадентского романа. Выделенные нами мотивы будут связаны с темой смерти-убийства-самоубийства, составляющей основу декадентского романа. К ним относятся: **убийство, самоубийство, доведение до самоубийства, убийство чужими руками, смерть ребенка, осуждение и наказание невинного, раздвоение сознания, блаженное безумие.**

Рассмотрим каждый мотив в отдельности. В центре «Братьев Карамазовых» – убийство отца семейства, причем убийство, в котором так или иначе, действуя или бездействуя, принимали участие все члены карамазовской семьи. Что касается декадентского романа, то этот жанр вообще не мыслим без убийства или насильственной смерти в том или ином виде. Единственный образец жанра, где нет явного убийства – это роман Ж. К. Гюисманса «Наоборот», но и там присутствует символическое убийство двойника – разрушение Фонтенея – столь долго и кропотливо создававшейся обители дез Эссента.

Осмысливая символическое убийство в декадентском романе, следует помнить, что перед нами чаемая смерть двойника, смерть недостойного жизни. Такое убийство принимает разные формы. Во-первых, это – самоубийство. В «Братьях Карамазовых» самоубийством кончает Смердяков. У М. П. Арцыбашева самоубийство становится излюбленной темой. У декадента-беллетриста оно изображается в разных ипостасях, среди которых выделяется спровоцированное самоубийство. Причем самоубийцу доводит до плачевного финала не кто иной, как главный герой. Доводить он может явно, как в случае с Соловейчиком в «Санине» и Михайловым в романе «У последней черты», и не

явно, как в случае со Сварожичем в «Санине». Санин и Сварожич будто бы не дают друг другу жизни, раздражают друг друга самим своим существованием. Символично, что Сварожич застреливается после того, как Карсавина, от любви которой он отказался, отдается Санину. Что же касается доведения до самоубийства в «Братьях Карамазовых», здесь очевидно, что самоубийство Смердякова провоцирует Иван, во всяком случае, ускоряет процесс.

Что касается убийства чужими руками, в «Братьях Карамазовых» речь идет, вне сомнения, о намеренно-преднамеренном убийстве Ивана руками Смердякова. В романе З. Н. Гиппиус «Чертова кукла» Яков, предварительно спойв Кнорра, специально сообщает ему, что Юрий Двоекуров является виновником гибели кнорровой возлюбленной, и тот в порыве бешенства убивает Юрия. Та же самая история происходит во второй части дилогии «Роман-Царевич», где Литта убивает Сменцева руками Флоризеля, который, однако, как и Смердяков, сам не прочь «укокошить» недостойного.

В «Бездне» Гюисманса каноник Докр, по примеру сатанистов времен инквизиции, посылает мертвецов или же злых духов, чтобы те укололи жертву иглой, смазанной приготовленным кощунственным способом ядом. Страшный каноник насылает на астронома Гевенгэ отягченное святотатством колдовство, и лишь таинственному доктору Иоганнесу (хорошо известное по творчеству Гофмана имя), бывшему священнику, удается отвлечь порчу. Следует отметить, что на протяжении романа Дюрталь размышляет о «единоборстве Докра и Иоганнеса, о священниках этих, колдующих и творящих заклинания в борьбе за жизнь и здоровье Гевенгэ» [6, с. 125]. Таким образом, в центре конфликта – противоборство сражающихся за душу человеческую двойников антагонистов, единоприродных священников-знахарей, представляющий противоположные полюсы Добра и Зла. Нравственные полюсы в романе очеловечиваются, воплощаются в конкретных людях.

Во второй части трилогии Ф. Сологуба «Творимая легенда» королева Ортруда посылает своего пажа Астольфа с тем, чтобы тот убил Маргариту Камаи. Причем муж последней, граф Камаи, подозревает в убийстве принца Танкреда, пытается потом ему отомстить, что впоследствии удается (здесь мы подчеркиваем своеобразную реализацию мотива наказания «невинного», т. е. желавшего убить, но не осуществившего своего намерения). Коварный принц также посылает убийцу к графине, которого юный Астольф просто опередил. Подпоив прислугу, Танкред позаботился о том, чтобы дом графини в ту ночь не был охраняем. Убийца, посланный Танкредом, шел за мальчишкой по пятам, практически дышал ему в затылок, затем удостоверившись, что графиня мертва, ушел и доложил об интересном происшествии принцу. Разве в этом случае не возникает тот же карамазовский вопрос – кто убил?

В романе Ж. Роденбаха «Мертвый Брюгге» главный герой Гюг, томимый тоской после смерти возлюбленной жены, переезжает в Брюгге. Этот город видится ему мертвым, в мертвом Брюгге он видит самого себя. Однажды бредя по улицам города, Гюг встречает женщину как две капли воды похожую на его

жену: те же глаза, тот же оттенок волос, те же жесты, походка, «тот же голос оттенка прочного металла, точно из смеси серебра с бронзой» [17], который Гюг уже никогда не надеялся услышать. Здесь двойничество лежит на самой поверхности, оно чисто внешнее, буквальное, двойник материализован в отдельного человека.

Жанна оказывается балериной местного театра и является герою во время спектакля во всей красе, вставая из могилы в образе воскресшей Елены из Роберта Дьявола. Затем, по мере сближения героев, за внешним сходством между Жанной и Еленой все яснее проступает различие: Жанна глупа, цинична, мелка, лицемерна, она недостойна быть олицетворением светлого образа. Развязку романа также можно прочесть по-карамазовски двояко: с одной стороны, доведенный до бешенства Гюг душит Жанну косой покойной жены, с другой стороны, покойная Елена мстит руками мужа своему двойнику.

В рамках мотива обвинения невиновного и безнаказанности виновного у Достоевского в убийстве обвиняют и затем приговаривают к каторге невиновного Дмитрия (невиновного, но намеревавшегося убить, и возможно, убившего бы), а на Ивана и Смердякова, хотя те наказаны каждый по своему, не падает даже подозрение. У Сологуба в «Тяжелых снах» подозрение падает не на виновного Логина, а на ревнивого пьяницу Спирьку, причем тот и сам вешается, думая, что это он зарубил Мотовилова спьяну.

Мотив блаженного безумия вряд ли нуждается в особых комментариях. Знаменитое безумие Ивана порождает традицию, которую продолжает Передонов из «Мелкого беса» и Гюг из «Мертвого Брюгге». В какой-то мере можно считать, что с ума сходит дез Эссент, у которого начинается странная болезнь, вызванная психическим расстройством.

Романы Достоевского, как и декадентские романы, будто бы увенчаны детскими страданиями, детской смертью. Неточка Незванова, Илюша Снегирев, дети Мармеладовых. У Сологуба – детская смерть и детские страдания становятся лейтмотивом. У Гиппиус «Чертова кукла» завершается смертью маленького Егорушки, внебрачного сына покойного Юрия, описанием горя матери, рыдающей над детскими черепками на могилке. О детских страданиях в «Бездне» Гюисманса мы уже упоминали.

На наш взгляд, символика мотива интегрированного смерти-убийства-самоубийства восходит к архаичной традиции, в частности, сказочной. Например, образ змея-дракона в трилогии Ф. Сологуба «Творимая легенда» в его сказочной интерпретации восходит к сказке, где змей борется со змеем, дракон с драконом. Этот образ, помимо прочих значений происходит от самопожирающего мирового змея оробороса [13; 14]. Мы полагаем, что змеиная символика является ключевой для литературы декаданса.

Приведем в этом контексте ключевую фразу Ивана в отношении его замысла насчет смерти отца и гибели брата Дмитрия, которого тот ненавидит из ревности к Катерине Ивановне. «Один гад съедает другую гадину» – эта фраза повторяется в романе неоднократно [11, с. 154, 157, 202; 12, с. 183, 265].

Например, в разговоре с Алешей Иван высказывается следующим образом: «Но не подумалось ли тебе тогда и то, что я именно желаю, чтоб «один гад съел другую гадину», т. е. чтоб именно Дмитрий отца убил, да еще поскорее... и что и сам я поспособствовать даже не прочь?» [12, с. 183].

Отчего же не волк должен растерзать волка, а именно гад съесть другую гадину? Стало быть, змеиная символика у Достоевского тоже присутствует. Этот факт еще раз подтверждает родство творчества Достоевского и декадентского романа.

Дракон появляется в романе еще раз – когда у Григория, верного слуги Федора Карамазова рождается шестипалый ребеночек.

«На третий день приходилось крестить младенца; Григорий к этому времени уже нечто сообразил. Войдя в избу, где собрался причт и пришли гости и наконец сам Федор Павлович, явившийся лично в качестве восприемника, он вдруг заявил, что ребенка «не надо бы крестить вовсе», – заявил не громко, в словах не распространялся, еле выщезивал по словечку, а только тупо и пристально смотрел при этом на священника.

– Почему так? – с веселым удивлением осведомился священник.

– Потому это... дракон... – пробормотал Григорий.

– Как дракон, какой дракон?

Григорий промолчал некоторое время.

– Смешение природы произошло... – пробормотал он, хоть и весьма неясно, но очень твердо, и видимо не желая больше распространяться.

Посмеялись, и, разумеется, бедненького ребеночка окрестили. Григорий молился у купели усердно, но мнения своего о новорожденном не изменил» [11, с. 105].

После этого вместо драконового дитятки появляется Смердяков, который собственно выполняет функцию гада-дракона, убивающего другую гадину. Непризнанный сын, недочеловек, женоподобный (тема андрогинизма, бесполости в литературе Серебряного века представляет собой отдельную тему для исследования) эпилептик Смердяков – достойный образец традиции недотыкомков, мертвецов, разнообразных мар, чертовых кукол, человековещей, которые появятся впоследствии в декадентском романе.

Итак, традиция двойничества в декадентском романе восходит к творчеству Достоевского, куда она перешла из готической и романтической литературы. Истоками двойничества является архаический сказочный эпос, что подтверждается символикой змея-дракона в «Братьях Карамазовых». Последний роман Достоевского содержит потенциальные возможности развития сюжета декадентского романа, такие как убийство, самоубийство, доведение до самоубийства, убийство чужими руками, смерть ребенка, осуждение и наказание невинного, раздвоение сознания, блаженное безумие. С этой точки зрения, декадентские романы являются вариациями на карамазовскую тему.

В нашей статье мы не останавливаемся специально на теме донжуанства, сладострастия, конфликта из-за женщины, так как эти мотивы требуют особого внимания.

Мы ни в коем случае не исчерпали возможных параллелей между «Братьями Карамазовыми» и декадентским романом. Но мы очертили важное направление исследования для интерпретации идейно-тематического содержания декадентского романа как жанровой разновидности. В дальнейшем плодотворным будет исследование тематического влияния других романов Достоевского на декадентский роман, особенно яркой является параллель между романом Гиппиус «Роман-царевич» и «Бесами» Достоевского. К весомым результатам может привести исследование проявления карнавальной традиции в декадентской литературе на всех уровнях художественного целого.

Литература

1. **Арцыбашев М. П.** Санин [Электронный ресурс] / М. П. Арцыбашев // Собр. соч. : в 3 т. – М., 1994. – Т. 1. – Режим доступа: <http://lib.ru/RUSSLIT/ARCYBASHEW/sanin.txt>.
2. **Арцыбашев М. П.** У последней черты [Электронный ресурс] / М. П. Арцыбашев // Собр. соч. : в 3 т. – М., 1994. – Т. 2. – Режим доступа: http://az.lib.ru/a/arcybashew_m_p/text_0020.shtml.
3. **Бахтин М. М.** Проблемы поэтики Достоевского [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин. – М., 1963. – 167 с. – Режим доступа: http://imwerden.de/pdf/bachtin_poetika_dostoevsky.pdf.
4. **Гофман Э. Т. А.** Эликсиры дьявола [Электронный ресурс] / Э. Т. А. Гофман. – Режим доступа: http://gofman.krossw.ru/html/gofman-eleksiri_diavola-ls_2.html.
5. **Гюисманс Ж. К.** Наоборот / перевод с фр. Е. Л. Кассировой, под ред. В. М. Толмачева [Электронный ресурс] // Гюисманс Ж. К., Рильке Р. М., Джойс Д. Наоборот. Три символистских романа. – М., 1995. – Режим доступа: <http://www.gramotey.com/books/401213956700.14.htm>.
6. **Гюисманс Ж. К.** Там, внизу или Бездна [Электронный ресурс] / Ж. К. Гюисманс. – М., 1993. – Режим доступа: <http://i.posters.ec/a/3917>.
7. **Гиппиус З. Н.** Роман-царевич [Электронный ресурс] / З. Н. Гиппиус. – М., 1996. – 191 с. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_0250.shtml.
8. **Гиппиус З. Н.** Чертова кукла / З. Н. Гиппиус. [Электронный ресурс] / З. Н. Гиппиус. – М., 1996. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_0240.shtml.
9. **Долгенко А. Н.** Художественный мир русского декадентского романа рубежа XIX – XX веков: автореф. дис. докт. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / А. Н. Долгенко. – Волгоград, 2005. – 40 с.
10. **Долгенко А. Н.** Художественный мир русского декадентского романа рубежа XIX – XX веков: дисс. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / Александр Николаевич Долгенко. – Волгоград, 2005. – 375 с.
11. **Достоевский Ф. М.** Братья Карамазовы: Роман в 2 т. / Ф. М. Достоевский. – К.: Борисфен, 1994. – Т. 1. – 480 с.
12. **Достоевский Ф. М.** Братья Карамазовы: Роман в 2 т. / Ф. М. Достоевский. – К. : Борисфен, 1994. – Т. 2. – 368 с.

- 13. Зубарь Д. А.** Мотив смерти двойника в русском и европейском декадентском романе // Література в контексті культури. – 2011. – Выпуск 21 (2). – С. 120 – 127. **14. Зубарь Д. А.** Символ змея-дракона в трилогии Ф. Сологуба «Творимая легенда» // Современное литературоведение – 2011: Научно-методический сборник филологических работ: Выпуск 8. – Луганск, 2011. – С. 113 – 133. **15. Кочеткова А. А.** К. И. Чуковский – литературный критик 1900-1910-х годов: дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Электронный ресурс] / Кочеткова Анастасия Александровна. – Саратов: 2004. – Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/Dissertatsia/dissertatsia.htm>. **16. Мурадханян И. С.** Концепція психологічного двійництва особистості в літературі заходу XVIII – XIX століть : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.01.04 «Література зарубіжних країн» / І. С. Мурадханян. – Дніпропетровськ, 2011. – 15 с. **17. Роденбах Ж.** Мертвый Брюгге [Электронный ресурс] / Ж. Роденбах. – Режим доступа: <http://bruges-la-mort.ru>. **18. Сологуб Ф.** Королева Ортруда / Ф. Сологуб // Творимая легенда. Кн. 1. – М.: Худож. лит., 1991. – 302 с. **19. Сологуб Ф.** Мелкий бес [Электронный ресурс] / Ф. Сологуб. – 2002. – Режим доступа: <http://lib.ru/RUSSLIT/SOLOGUB/bes.txt>. **20. Сологуб Ф.** Тяжелые сны [Электронный ресурс] / Ф. Сологуб. – 2003. – Режим доступа: <http://sologub.narod.ru/novels/tiazhelyesny.htm>. **21. Чуковский К. И.** Навьи чары мелкого беса [Электронный ресурс] / К. И. Чуковский. – 1910. – Режим доступа: http://fsologub.ru/about/articles/articles_239.html. **22. Чуковский К. И.** Чертова кукла. Роман З. Н. Гиппиус [Электронный ресурс] / К. И. Чуковский. – 1911. – Режим доступа: http://www.chukfamily.ru/Kornei/Critica/critica_new.php?id=24.

Анотація

У статті розглядається спадкоємність творчості Ф. М. Достоевського з декадентським романом на сюжетно-тематичному рівні. Розкриті ключові тематичні елементи, що складають основу конфлікту та сюжету декадентського роману і, концентруючись навколо інтегрованого мотиву смерті-вбивства-самогубства, у стислому вигляді присутні в романі Ф. М. Достоевського «Брати Карамазови». Показані генетичні корені цього мотиву в романтичній і архаїчній казковій традиціях.

Ключові слова: декадентський роман, двійник, двійництво, мотив

Аннотация

В статье рассматривается преемственность творчества Ф. М. Достоевского с декадентским романом на сюжетно-тематическом уровне. Раскрываются ключевые тематические элементы, которые составляют основу конфликта и сюжета декадентского романа и, концентрируясь вокруг интегрированного мотива смерти-убийства-самоубийства, в сжатом виде присутствуют в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Прослежены

генетические корни данного мотива в романтической и архаической сказочной традициях.

Ключевые слова: декадентский роман, двойник, двойничество, мотив

Summary

The paper focuses on the continuity of the works of F. M. Dostoyevsky in the decadent novel at the plot and thematical level. It considers the thematical aspects crucial for the conflict and the plot of a decadent novel. It currently shows that these elements are concentrated around the integrated motives of death, murder and suicide which are constructed in the novel “The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoyevsky. The research traces the genetic roots of the motive in the times of romanticism and the archaic fairy-tale traditions.

Key words: decadent novel, doppelganger, dualism, motive

Статья прорецензирована и рекомендована к печати кандидатом филологических наук, доцентом кафедры всемирной литературы Луганского национального университета имени Тараса Шевченко С.А. Ильиным.